

Дмитрий Овсянников

Пролог

Вдалеке высились горы – мертвые и холодные громады изо льда и камня, сияющие в лучах закатного солнца множеством оттенков синего, серого и лилового.

Солнце ушло с небес – его свет еще отражался от снежных вершин горной гряды, но ниже их уже царили сумерки. И в сумерках ярким золотом блестели густо рассыпанные среди темных камней пышные перья, формой похожие на перья павлина. Казалось, они сами выполнены из металла – именно металлическим был их золотисто-желтый блеск. И здесь, среди россыпи острых серых камней и удивительных перьев, во весь рост простерлась странная, небывалая фигура – гигантская, красивая и страшная одновременно.

Больше всего она напоминала обнаженного человека, однако не была человеческой. Ни у одного из людей нет такой иссиня-серой кожи. Ни один человек не сумел бы изогнуть шею так сильно. Наконец, ни у одного человека не увидишь за плечами крыльев – огромных и могучих, оперенных теми самыми золотыми перьями, что рассыпались вокруг фантастической фигуры. Крылья есть у ангелов, однако любому стало бы ясно с первого взгляда: обладатель золотых крыльев – не ангел. Скорее, нечто противоположное…

Картину – огромное, вытянутое едва ли не во всю стену полотно, недавно привезли на выставку, организованную редакцией журнала «Мир искусства» в Санкт-Петербурге. Галерея едва успела открыться, и в выставочном зале еще не было ни одного посетителя. Однако у новой картины уже суетился человек – странный, под стать самой картине.

Он отличался маленьким ростом и изящным телосложением, тонкими чертами лица и узкими, слегка заостренными кверху ушами. Свой сюртук необычно яркого синего цвета он оставил на заранее приготовленном стуле. Затем закатал рукава белой сорочки, обнажив не слишком могучие с виду, но довольно крепкие предплечья – признак человека, привычного к долгой и упорной работе.

Был ли он молод? Трудно сказать. Ясно было лишь то, что человек бледен и худ, точно от изнурительного труда или бессонницы, длившейся много ночей кряду. Его длинные густые усы, недавно закрученные вверх, теперь взъерошились и торчали в разные стороны наподобие моржовых. Белокурые волосы обильно тронула седина – они смотрелись серыми, как трава, что заинdevела по осени. Человек двигался спокойно и неторопливо, однако в каждом его движении читались скрытая ловкость и неуловимая грация, какой могли бы позавидовать и юноши.

Прямо на полу перед самой стеной, на которой висела картина, человек раскрыл саквояж – тот оказался наполнен инструментами живописца – взял палитру, кисти и

краски, и приступил к работе. Однако прежде он встал, по-особенному выпрямившись, и несколько минут, не отрываясь, смотрел в глаза крылатой фигуры, изображенной на холсте. Губы его шевелились, как будто человек беззвучно произносил что-то. Затем он незаметно кивнул изображению, после чего принялся писать.

Человек накладывал краски широкими смелыми мазками поверх готового изображения. Художник переписывал лицо фигуры – оно смотрело сквозь раму, образованную изломом тонких рук. Странный художник работал так, как будто видел перед собой не картину, но чистый, едва загрунтованный, холст. Его небольшие светлые глаза, до сих пор спокойные до безразличия, разгорались едва ли не с каждым новым мазком. Первым в них засветился интерес, вскоре его сменил азарт, затем наступил черед лихорадочного возбуждения, за которым следовало ждать вспышку ярости.

Человек писал сосредоточенно и скоро. Время шло, в зал уже заходили посетители, их становилось все больше, и художник все сильнее торопился. Но это мало походило на обычное стремление быстрее завершить работу. На посетителей выставки художник совершенно не обращал внимания – казалось, его раздражает сама картина, над которой он продолжал трудиться. Теперь художник смотрел на нее и двигался так, будто написанная на холсте фигура была живой, мало того – подвижной и весьма увертливой.

Человек отходил подальше, чтобы осмотреть свой труд, затем снова приближался к картине – полубоком, выставив вперед согнутую в локте правую руку, в которой держал кисть. Он двигался резкими шагами – на носках, чуть согнув колени, то к написанному на холсте лицу, то обратно. Кисть в его руке теперь наносила мазки быстрыми, почти неуловимыми постороннему глазу движениями. Положив несколько мазков, человек отступал от картины, всякий раз меняя траекторию. Пару раз его движения походили на попытки уклониться, как будто фигура с картины грозила ударить своего создателя.

Человек смотрел на полотно с вызовом. Он бормотал вслух, все громче и громче, уже не заботясь о том, что его слышат. Однако никто, даже прислушавшись, не смог бы понять этих жарких речей – фразы вылетали обрывками. В придачу звучали они на разных языках: человек переходил с русского на древнегреческий, потом на латынь, а то вдруг начинал сыпать немецкими и английскими фразами. В итоге получалось нечто невообразимое. В глазах художника разгорелся теперь совершенно нездоровий огонь. Серые волосы, вначале аккуратно зачесанные назад, уже успели растрепаться и теперь торчали в разные стороны. Лицо художника оставалось бледным, однако по нему градом катился пот.

Нетрудно догадаться, что это странное действие вскоре начало привлекать внимание посетителей выставки.

– Ну и движется он! – вполголоса сказал один другому. – Ни дать ни взять фехтовальщик!

Под кистью странного человека лицо написанной фигуры преобразжалось. Прежде оно смотрелось печальным, скорее даже спокойным и задумчивым. Сейчас же его тонкие черты искажала свирепая гримаса. Лицо сделалось еще темнее прежнего. Нечеловески большие глаза остались широко распахнутыми, однако теперь они налились кровью. Художник добавил синевы, отчего злобный взгляд крылатой фигуры сделался фиолетовым, как грозовая туча, готовая вот-вот перечеркнуть небо холодным росчерком молнии. И такое же сходство с клубящейся грозовой тучей получила косматая грива черных волос, обрамлявшая лоб фигуры. Но эта туча уже не отливалась фиолетовым – беспросветно черная, как довоенная тьма, лишенная контуров, она как будто рвалась из глубины картины, хищно протягиваясь навстречу зрителю.

К живописцу приблизился молодой господин с карандашом и блокнотом в руках. Он вежливо поздоровался. Художник ответил на приветствие сдержанно; он не выпускал из рук палитру и кисть, а взгляд, казалось, не в силах был оторвать от страшного лица крылатой фигуры.

– Меня зовут Леонид Федорович Андреевский, я корреспондент журнала «Мир искусства», – представился молодой господин.

– Врубель, художник, – коротко ответил живописец. – К вашим услугам.

– Вы позволите мне задать пару вопросов о вашей картине?

Живописец утвердительно кивнул, издав негромкий носовой звук – видимо, в знак согласия.

– Кто изображен на вашей картине?

– Демон, – ответы Врубеля оставались лаконичными, если не сказать отрывистыми.

– Сам Сатана? – уточнил корреспондент.

– Ни в коем случае! – неожиданно горячо возразил художник. – Ни в коем случае не Сатана и не дьявол! Чтобы вкратце объяснить вам разницу, «диавол» переводится как «клеветник» – только и всего! Нет в нем общего и с чертом – «черт» – значит всего лишь «рогатый»! Демон, милостивый государь – это именно демон, и никак иначе!

– Отчего же он лежит? – осторожно поинтересовался корреспондент.

– Отдыхает! – усмехнулся в усы Врубель. При этом он бросил на картину взгляд, исполненный ненависти. – Прохладжается!

Андреевский раскрыл блокнот, торопливо записал несколько слов.

– А сейчас позвольте откланяться, – проговорил Врубель. – У меня не больше получаса до завершения сеанса. Скоро здесь сделается слишком людно, и мы... Мы не сможем продолжить! – он указал на изображение демона так, как будто оно ожидало его с нетерпением.

– Благодарю вас, – кивнул Андреевский.

Эту сцену со стороны наблюдали устроители выставки – главный редактор журнала «Мир искусства» Сергей Дягилев и художник Александр Бенуа.

– Право, Сергей Павлович, это нечто неслыханное! – произнес Бенуа. – Картина давно закончена, но Врубель переписывает ее раз за разом! Я решительно не могу понять этого!

– Мой вам совет, Александр Николаевич, и не пытайтесь понять, – так же тихо ответил Дягилев.

– Я слышал, он переписывал лицо своего демона более двадцати раз!

– Более тридцати пяти, – уточнил Дягилев. – Если это продолжится, завтра произойдет сороковое явление демона народу!

– Право, я начинаю опасаться! Ведь он портит прекрасное полотно!

– А вы не тревожьтесь, Александр Николаевич, – посоветовал Дягилев. – Врубель – известный расточитель всего, что только ни попадает ему в руки, будь то деньги или собственные произведения. Не стоит вмешиваться – как художник он гениален. И наверняка знает что делает!

– Я все равно опасаюсь! – повторил Бенуа.

– Опасаться сейчас стоит за здоровье нашего гения! – решительно ответил Дягилев. – Он, того и гляди, надорвется и сойдет с ума!